

это и не особые стили единого литературного языка, ибо они не укладываются в рамки единой языковой структуры, а применяются в различных культурных областях и с различными функциями.²⁵

Западная традиция при рождении русской письменности

Можно считать установленным, что старославянский язык, который в первые столетия славянской письменности представлял общеславянский литературный язык, сформировался на базе одного южнославянского диалекта из окрестностей Солуни, представлявшего переходный говор между западными, македонскими и восточноболгарскими диалектами. Между тем уже в первые дни своего возникновения в процессе распространения среди других славянских народов, как показали исследования ряда славистов, этот литературный язык стал включать в себя элементы других славянских языков, в частности и западнославянских. В русских памятниках он уже чрезвычайно пестр по своему составу. «В нем скрецивались и сливалась разные народноязыковые стихии славянского мира и отражались византийско-греческие и латинские воздействия. Церковнославянский язык, кроме болгаризов и вообще южнославянизмов, включал в себя моравизмы, чехизмы и даже (очень редко) полонизмы. Этот сложный характер древнеправославного языка выражался отчасти в фонетических и морфологических колебаниях и вариациях его строя, но еще ярче — в пестроте и разнообразии его словаря, его семантической системы, в богатстве синонимов и смысловых оттенков значений слов».²⁶

Предполагалось, что западнославянские элементы попали в русский язык через посредство Балкан, где нашли прибежище ученики Кирилла и Мефодия после ликвидации в Паннонии славянской литургии и проповедования. Между тем после того как было доказано, что в Чехии и даже в Польше славянская традиция в богослужении и литературе сохранялась в течение X—XI вв., становится уместным замечание Н. К. Никольского, что «с исторической точки зрения остается неясным, почему словарный материал, какой мы имеем в древних наших памятниках, должен был переправляться из Моравии и Чехии сначала в Болгарию, а затем на Русь».²⁷

Вопрос связей древнерусской литературы с западнославянскими, которым после первых глубоких исследований А. И. Соболевского и Н. К. Никольского плодотворно занимались чешские слависты, нашел отражение в материалах IV Международного съезда славистов.²⁸ Здесь как самый важный результат предшествующих исследований устанавливается факт, что кирилло-мефодиевская традиция в Чехии в богослужении и в письменности не являлась кратковременным эпизодом (как часто считалось со временем И. Добровского), но что это наследие, как литературное, так и идеологическое, культивировалось при чешских Пржемысловичах, в государствах которых церковнославянский язык соперничал с латинским и в богослужении, и в письменности. В 1079 г. король Братислав просил у папы одобрения на употребление славянского богослужения. Козьма Пражский, представитель феодального класса и латинского просвещения,

²⁵ Там же, стр. 24—35.

Там же, стр. 41 с цитатой из работы Б. М. Ляпунова о нюансах в значении слова бъдънъ. (Поправки и добавления к этимологическому словарю Преображенского. — ИЮРЯС, т. XXXI. Л., 1926, стр. 39—40).

²⁷ Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании, вып. 1. М.—Л., 1930, стр. 14.

²⁸ См.: Ответы на вопрос «Каковы были связи древней русской литературы с литературами западных славян» И. Вашицы, М. Коутной и Е. Прохазковой. (Сборник ответов на вопросы по литературоведению, стр. 7—17).